

НАТАША
ЭСТРАНИ

УЕТРАХ ЗАПАХ КОРИЦЫ

КТО ВОЗЬМЁТ
ТЕБЯ ЗА РУКУ,
КОГДА СТАНЕТ
СТРАШНЕЕ ВСЕГО?

Кошмары и булочки. Cozy-хоррор

Наташа Эстрани

У страха запах корицы

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эстрани Н.

У страха запах корицы / Н. Эстрани — «Издательство АСТ»,
2016 — (Кошмары и булочки. Cozy-хоррор)

ISBN 978-5-17-190627-6

Камилла всегда думала, что её демоны — это просто метафора. Но однажды она узнаёт, что духи и боги существуют. Одни едят детей и туристов, другие продают цветы и пекут круассаны. Уверенная, что сходит с ума, Камилла сбегает в первый попавшийся город у моря. Кошмары следуют за ней, как и странный мужчина с пронзительным взглядом. Они приводят девушку на работу в пекарне для богов – и в новый удивительный мир, где магия перемешивается с мукой и сахаром, ужасы прячутся за чудесами, а сон разума действительно рождает чудовищ. Однако Камилле придётся не просто искать своё место в этом мире. Кто-то жестоко убивает божественных клиентов пекарни. И когда Камилла обнаруживает себя над очередным трупом, она понимает, что причастна к этому самым непосредственным образом...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-190627-6

© Эстрани Н., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наташа Эстрани

У страха запах корицы

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

© Наташа Эстрани, текст, 2026

© Полина Граф, обложка, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Глава 1

Я могла бы поклясться, что камеру у меня из рук вырвала горгулья. Из всех возможных способов лишиться лучшего друга, куска сердца и третьего глаза, стоя на мосту над Дунаем, мне достался самый экзотический. Эта сцена могла навсегда застыть в памяти, мешал лишь один нелепый нюанс: горгулий не существует.

Сентябрь всегда топил меня в тоске и меланхолии. Даже обещание золотой осени не могло вытеснить предчувствия сырости, холода и той тягостной серости, в которую Москва погружалась стремительно и неотвратно. В тот раз сентябрь не изменил своей привычке: осень ворвалась в город прямо первого числа. Солнце тут же бесследно исчезло с небес, а дождь поливал улицы и днём, и ночью, очевидно, стремясь как можно скорее восстановить справедливость и наконец-то накапать море где-то в пределах МКАДа. На этом фоне путешествие в Будапешт выглядело не только бессмысленной роскошью для безработного маркетолога, но и последней отчаянной попыткой хоть немного продлить лето.

Разочарование поджидало меня и за этим углом: дождь прибыл в Будапешт с нами вместе. Первое время мы с Катей ещё старались весело прыгать по лужам, но вскоре продрогли, а к третьему дню окончательно раскисли. Чудеса архитектуры не приносили счастья, прогулку на остров Маргит омрачила утрата Катиного кошелька, ну а потом случилось самое страшное: мой фотоаппарат, мой лучший и самый любимый друг, отправился в последнее путешествие с моста через Дунай неподалёку от Будапештской крепости, унося с собой на дно бесчисленное количество фотографий птиц на фоне туч.

Катя горячо убеждала меня, что во всём виновата чайка, – таких огромных чаек, как здесь, я до сих пор не встречала, и почти любая без особых усилий могла бы унести и камеру, и меня саму. Но память твердила другое: чаек, похожих на каменных собак с драконьими крыльями, не бывает.

Но и горгулий не бывает тоже – и это достойный аргумент, чтобы остановить свой гнев на чайке.

А впрочем, какая разница – виновата в любом случае я сама. Мало ли что там мне помешало в секунду кромешного ужаса, не могу же я всерьёз поверить в горгулью. Хотелось обливаться слезами с утра до ночи, и зачем теперь нужны все эти путешествия – было абсолютно неясно. Кажется, впервые в жизни я мечтала как можно скорее вернуться домой, лежала в сторону аэропорта и не собиралась шевелить даже пальцем.

А чтобы поездка стала абсолютно невыносимой, в предпоследнюю ночь в моём номере обнаружился незнакомый мужчина. Я всегда предпочитала вести строгий учёт мужчин в своей спальне, но как там оказался этот – понятия не имела. Когда среди ночи я внезапно проснулась в приступе беспричинной тревоги, он с крайне загадочным видом стоял у изножья кровати, задумчиво взирая на меня пронзительными светлыми глазами.

Гость был похож одновременно на Джуда Лоу, Дэвида Теннанта и Тома Хиддлстона, то есть на всех моих любимых мужчин разом, поэтому мне понадобилось секунд десять, чтобы поверить в реальность происходящего, и только потом изо всех сил заорать. Он абсолютно не сопротивлялся и молчал, как рыба, когда я гневно выталкивала его из номера прочь, чем взбесил ещё сильнее, и смотрел даже немного удивлённо, будто все предыдущие женщины, к которым он вламывался, реагировали иначе.

Конечно, мне стоило быть хоть немного умнее и запирается на ночь, но вопросы имелись и к администрации гостиницы, позволяющей кому попало входить в незапертые двери. На прощание я швырнула в незнакомца испепеляющий взгляд, и за мгновение до того, как дверь захлопнулась, мне показалось, что из-под джинсов у него торчат гусиные лапы. Не веря сонным глазам, я снова высунулась в коридор – но след ночного гостя уже безнадежно простыл.

Разумеется, после этого я не только заперлась на замок, но и едва подавила желание забаррикадировать дверь шкафом – и всё равно до самого утра заснуть не смогла.

Завершилось путешествие совсем по-дурацки: по дороге из аэропорта я дремала на заднем сиденье такси, когда на меня с небес свалилась квартира. Как альтернатива метеориту – неплохо, а в остальных отношениях – так себе.

– Привет, – жизнерадостно воскликнула тётя Лиза в телефоне. – Я точно помню, что ты умеешь пользоваться какими-то сайтами, где сдают недвижимость.

– Привет, – вежливо отозвалась я.

– Привет. Камишка, ты только представь, мне наконец-то предложили должность директора филиала в Воронеже. Я подумала, что Воронеж, конечно, не Париж, но это такая возможность!

Тётя Лиза так щебетала, что я невольно представила себе, как она стоит в малиновом берете, обняв багет, а за спиной у неё – Эйфелева башня прямо посреди Воронежа.

– Воронеж, в принципе, не так уж далеко от Парижа, – покладисто согласилась я.

– Вот. Ты всегда меня понимаешь. И я решила: если уезжать надолго, то не бросать же пустую квартиру, это же какие деньги можно с неё получить. Да?

– Да, – рассеянно предположила я, скользя взглядом по череде фасадов вдоль Кутузовского проспекта, сливающейся в один бесконечный дом.

– Я закинула ключи в твой почтовый ящик. Там прибрано, ценное я отвезла к подруге, но всё равно надо, чтоб люди нашлись приличные...

– Тётя Лиз, какие ключи? – Чувствовать неладное было уже поздно, но я наконец почувствовала.

– От квартиры. – В трубке что-то зашуршало, запищало, и тётя Лиза протараторила ещё быстрее: – Погоди, тут посадка на рейс начинается, позвоню потом.

Не оставив шансов разобраться, что, чёрт побери, происходит, с чего вдруг я обречена сдавать чужую квартиру, почему бы не позвонить мне раньше, кто виноват и что делать, она отключилась. Наверное, стоило напомнить тёте Лизе номер её взрослого сына, который справился бы с задачей ничуть не хуже уставшей и печальной племянницы.

Но против врождённой безотказности медицина абсолютно бессильна.

Новость отлично попала в моё настроение – как подтверждение, что вселенная в этом сезоне ненавидит меня сильнее, чем обычно. Я в красках представила вереницу потенциальных жильцов, среди которых мне предстоит как-то вычислить и мужественно изгнать всех алкоголиков, наркоманов, психов и организаторов притонов, вздохнула и обречённо закрыла глаза.

И заснула до самого дома.

* * *

Дома было как дома. Я забрела в ванную, ужаснулась отражению в зеркале, яростно смыла с рук всю память об этом бездарном путешествии и побрела дальше, навстречу мечте наконец-то выспаться.

Но телефон зажужжал снова, словно принял твёрдое решение обречь меня на вечные муки.

– Камилла, – не терпящим возражений голосом поздоровалась бывшая однокурсница Аня, – у меня есть лишний билет в кино. Ты идёшь со мной, встречаемся через тридцать минут.

Когда-то давно нас навеки породнили списанные зачёты и съеденные на двоих пачки сухариков с сыром. Но после окончания университета мы общались исчезающе редко: раз в полгода пили кофе или бесцельно бродили по переулкам Замоскворечья, обменивались сплетнями, а потом, так и не найдя больше ничего общего, не вспоминали друг о друге до следующей нескорой встречи.

Анино предложение меня, мягко говоря, не воодушевило. Захотелось прокричать: «Я ничего не слышу!» – и отключить, а лучше выкинуть телефон. Но она не оставила мне ни единого шанса на спасение, тут же продолжив:

– А если ты не пойдёшь, я погибну в этом офисе, запертая между дедлайнами и корпоративной этикой. Пожалуйста! Я соскучилась! Без тебя мне не выжить!

Классика. Умело разыгранная карта драматического шантажа. Я упёрлась лбом в шкаф и вздохнула снова. Хотелось пообещать себе, что всё это в последний раз – и уже завтра я начну говорить людям «нет».

Но может, и послезавтра. То есть, разумеется, никогда.

* * *

– Я почти дописала завещание, пока тебя ждала, – склочно заявила Аня, как только я появилась в поле её зрения.

С каждым шагом от дома до кинотеатра я мрачнела всё сильнее, под стать погоде, и уже несколько миллионов раз прокляла себя за мягкотелость и безотказность.

– А я, на минуточку, только что прилетела из противного мокрого Будапешта, обнаружила, что должна искать жильцов в дурацкую тётину квартиру, устала, как тысяча злых собак, и, честно говоря, просто сгораю от желания тебя задушить, – хмуро сообщила я, стараясь вернуться в пальто до состояния мумии.

– И как Будапешт? – живо поинтересовалась она, игнорируя мою жажду насилия.

– Противно, мокро, ужасно. Хуже было только моё феерическое путешествие в Барселону.

– Зато, пока ты тащилась сюда, как дохлая черепаха, я нашла нам компанию, – с готовностью парировала Аня.

Слово «компания» она произнесла с таким придыханием, с каким обычно говорят: «Мне сегодня было видение ангела небесного», если, конечно, кто-то вообще такое говорит.

– И где же она? – без особого энтузиазма поинтересовалась я.

Но могла бы и не интересоваться. Рядом с кинотеатром, метрах в тридцати от нас, стоял, расслабленно прислонившись плечом к колонне, всего один человек, способный сойти за компанию, и если бы я сказала, что просто удивилась, это была бы наглая, беспросветная ложь.

У меня в голове поднялся рой изумлённо жужжащих пчёл.

– Серьёзно? – с трудом выдавила я.

Аня подозрительно глянула на меня, озадаченная такой реакцией, и с безграничной гордостью покорителя Эвереста торжественно сообщила:

– Да.

Я моргала, моргала, моргала, пытаюсь проснуться – но это не было сном.

Семь или восемь лет назад, в театральном фойе, перед спектаклем «Фауст» я увидела его в первый раз. У него было мало шансов привлечь моё внимание – оно всё досталось сказочно прекрасному вечернему платью его спутницы: я изнывала от зависти до конца вечера, а потом ещё несколько дней мечтала хоть из-под земли достать похожее. На его фоне померк мир, но мой взгляд успел зацепиться за лицо высокого смуглого мужчины: его будто долго и тщательно обрабатывали в фотошопе, выверяя каждую чёрточку.

Второй раз он попался мне на глаза через год или два, в Хельсинки, в парке Кайвопуйсто, который казался самым прекрасным местом на земле. После двух промозглых дней на небе вдруг обнаружилось солнце, и я наконец очнулась, разглядев и природу, и архитектуру, и особенно финский суп с лососем. Всё это сделало меня до идиотизма счастливой, но я сразу решила, что без ванильного рожка счастье не может быть полным. Настоящие финны с первым лучиком солнца отправились за мороженым в шлёпанцах на босу ногу, чем же я хуже? Не то

чтобы в очереди к киоску меня взволновал смутно знакомый мужчина: близость к мороженому мешала думать о чём-то дольше секунды.

Третья встреча случилась через несколько месяцев, уже в Москве, в кафе недалеко от Цветного бульвара, и тогда я наконец всерьёз насторожилась.

– Я где-то его видела, – по-шпионски загадочно сообщила я. Катя, уже минут двадцать меланхолично терзавшая кусочек торта, завертелась на месте, как радар.

– Блондина? – громким шёпотом уточнила она. С той же деликатностью могла бы просто встать и ткнуть пальцем блондину в лоб.

– Нет, слева.

Катя снова обернулась с грацией гиперактивного хорька, и я на секунду пожалела, что не выдала ей очки и газетку для конспирации. Объект наблюдения, однако, и бровью не повёл – невозмутимо листал журнал и пил что-то разноцветное. Он выглядел настолько безупречно спокойным, казалось, даже воздух вокруг него старался лишний раз не колыхаться. Только густая тёмная чёлка упрямо жила по своим правилам: падала как ей вздумается, намекая, что её не заботит сдержанность его образа.

– Ты про того турка? – предположила Катя.

– Кое-кому пора завязывать с турецкими сериалами, – мрачно отозвалась я.

– Никогда, aşkım¹. Я живу ради них. – Катя картинно приложила ладонь к груди. Оторвав пронзительный взгляд сыщика от не-блондина и потенциального турка, она снова сфокусировалась на мне. – Так где же ты его видела? Постучал в твою дверь?

– Не помню. Мне кажется, что в Хельсинки. Но такого ведь не может быть.

– А вот это, – заговорщицки сузила глаза Катя, – звучит ровно как начало криминальной драмы.

Довольно скоро я поняла: может быть что угодно. Он возникал то тут, то там: в парках, в кафе, в разных городах и странах, то мелькая в толпе, то сталкиваясь со мной в упор. Всегда спокоен, всегда с такой безупречной осанкой, будто в любой момент готов оказаться и на королевском портрете в музее, и на книжной ярмарке в центре Красноярска. В тот день четыре года назад я так отчаянно куда-то спешила, петляя между прилавками, что с разбегу врезалась прямо ему в спину. А он обернулся и извинился, пока я оглушённо хлопала глазами. Безнадёжно погружённая в свои мысли, только вечером, рассказывая Кате, как поразила меня эта вежливость, я вспомнила вдруг его лицо и от удивления захлопнула рот на середине рассказа.

Тогда же из закров памяти медленно выбралась самая интригующая деталь его портрета. Не знаю, как с ним могла приключиться такая банальность, но это были глаза: ярко-зелёные, цвета травы, изумруда или тоски.

Но в прошлый раз они показались мне серыми, а при следующей встрече – карими.

«Цветные линзы до обидного похожи на магию», – решила я, немного разочарованная прозаичностью придуманной разгадки.

Любопытство и страх в душе раз за разом мучительно сменяли друг друга, пока страх не сдался окончательно: трудно бесконечно бояться того, кто годами вынашивает дьявольский план и никак не приступит к его исполнению.

И теперь он совсем лишился статуса мимолётного видения – стоял на расстоянии пары десятков шагов и безмятежно смотрел вдаль, не обращая на нас с Аней внимания. Не было ни малейшего сомнения, что это именно он: его я видела и в театре, и в Хельсинки, и в Красноярске, и в кафе на Цветном бульваре, и во всех остальных возможных местах.

– Откуда ты его знаешь? – наконец ошарашенно пробормотала я.

Аня в ту же секунду превратилась в блондинку с розовым бантиком и принялась накручивать на палец прядь волос у лица. Мне страстно захотелось её как следует укусить.

¹ Любовь моя (тур.).

- Он идёт на тот же фильм, и я предложила пойти втроём.
- Чего? Втроём?
- Ну, если ты очень хочешь в кино. Ты точно хочешь в кино?
- Аня, ему явно за сорок, ты с небольшой натяжкой сойдёшь ему в дочери.
- Это тебе явно за сорок! – рассердилась Аня. – Отстань от меня и иди домой.
- Вот это внезапная смена риторики. Не напомним, как я здесь оказалась?
- Ну прости, Камиш, ну ты же всё понимаешь, – заныла она. – Не обижаешься?

Я обижалась. Нет, даже так: я злилась. Но Аня выглядела невозможно трогательно и глупо одновременно. Мы, в конце концов, уже довольно взрослые тётки, а ей будто на днях исполнилось двенадцать и мальчик вдруг пригласил на свидание; точнее, мальчика на свидание – втроём – пригласила она.

– Да нет, – вздохнула я, не сводя глаз с человека у колонны. – Вернусь в свою берлогу и залягу там в спячку до марта, как и мечтала.

– Отличный план, пока! – обрадовалась Аня.

Тут бы мне благоразумно удалиться в сторону берлоги, но вдруг, сама себя изрядно удивив, я схватила Аню за руку и выпалила:

- Но сначала познакомишь нас?
- Зачем? – эхом моих мыслей отозвалась Аня.

– На случай, если он маньяк, – панически выкрутилась я. – Если он сразу после кино решит тебя расчленить, я смогу быть свидетелем.

Аня посмотрела на меня как на безнадежно больную, но, видимо, где-то в глубине души сочла аргумент допустимым. Она решительно потащила меня за собой, а я стала спешно придумывать план спасения. За несколько секунд пути раз сто пожалела, что вообще открыла рот, но было уже поздно: мужчина стоял прямо передо мной и приветливо протягивал руку.

– Александр, – сообщил он, и я узнала тот приятный низкий голос, который слышала целую секунду в Красноярске.

– Камилла, – хрипло сказала я, пожимая его руку, глупо хихикнула от неожиданности и повторила уже нормальным голосом: – Камилла.

Несмотря на противный влажный уличный холод, его рука оказалась обжигающе горячей. «Александр» – какое редкое имя, а я-то рассчитывала услышать как минимум «Воланд».

– Очень приятно. – Он вежливо кивнул. Аня нетерпеливо ткнула меня локтем в бок.

– Камилла не сможет пойти с нами. Ей надо срочно заняться тёткиной квартирой.

– А что случилось с тёткиной квартирой? – поинтересовался Александр, игнорируя Анин нездоровый энтузиазм. Он говорил с лёгким, почти неуловимым акцентом, словно его родным языком был не русский, но какой – непонятно. И вряд ли немецкий.

– Тётя уехала куда-то. Кажется, то ли во Владивосток, то ли в Волгоград. И хочет, чтобы я как можно скорее сдала её квартиру кому-нибудь приличному.

– Кино начинается через пять минут, – вставила Аня.

– Уже ухожу, – смиренно сообщила я. – Квартира не сдастся сама.

– До свидания, Камилла. Приятно было наконец познакомиться. – Он снова протянул руку, и я снова на автомате её пожала. Я более чем отчётливо услышала его «наконец», и это, наверное, отразилось на моём лице, но Александр смотрел всё так же спокойно, с вежливой доброжелательностью.

Помахав им, будто такие знакомства случаются со мной минимум трижды в неделю, я развернулась и быстро пошла к дому, на ходу придумывая причины, почему не стоит обращать на происходящее ни грамма внимания.

А что руки дрожат – так это просто от холода.

На следующий вечер я обнаружила себя с температурой тридцать девять и семь, почти при смерти – закономерный итог этих безобразно неудачных дней. Я могла только спать, с

каждым часом закапываясь глубже под одеяло. Ненадолго возвращая способность мыслить, я думала, что это какой-то страшный безжалостный грипп. А больше не думала ничего: засыпала, потом вскакивала, путаясь в простынях, долго пыталась отдышаться, засыпала опять, просыпалась – и так раз за разом, пока всё не слиплось в один бесконечный удушливый сон.

* * *

– Я Соня, помнишь меня?

Ноги вязнут в мягкой земле, не слушаются, словно ватные, чужие, никчёмные ноги. Дом где-то рядом, я помню, только не помню дорогу, направо или налево, какая улица?

Но если я не смогу идти, нет разницы, где мой дом.

– Зачем ты бежишь? – шепчет женщина в белом халате. – Пара уколов – и будешь как новенькая.

– В живот, – добавляет кто-то довольно. – Сорок уколов в живот.

Мне нужно бежать. Ноги, пожалуйста. Где мои ноги?

Я цепляюсь за ограду, но руки тоже слабые, отвратительные, от них никакого толку. Пихаю себя вперёд, чтобы перейти эту незнакомую улицу, чтобы добраться до дома, чтобы никто не кричал мне в ухо:

– Характеризуется значительными нарушениями восприятия реальности и изменениями поведения!

– Я читала, – шепчу в ответ, сжёживаясь; сердце колотится в животе.

Мне нужно домой. Только не могу вспомнить дорогу.

– Камилла, подожди.

Ноги скользят по мокрым доскам, я отчаянно держу равновесие, но всё равно падаю; и снова с трудом встаю. Шаги совсем рядом, я чувствую дыхание в затылок, я чувствую, как меня хватают за одежду, как руки больно скручивают за спиной, как голос бормочет:

– Знаете, звоночки были ещё в детстве.

Не хочу я всё это слушать. Я просто хочу домой.

– Подожди, послушай меня.

Вырываюсь, бегу как могу к дому, только это не тот дом, не тот подъезд, не та стена, не тот тополь под окнами.

Я маленькая, а мир огромный. Он растягивается, как резина, улицы превращаются в тоннели, здания поднимаются выше, пока не закрывают небо. Я бегу, но пространства вокруг становится только больше. В нём теряется голос, шаги, направление.

Бегу и бегу вперёд, через лес, листья хлещут по щекам, я бегу и бегу, острые ветви царапают голые плечи, камни вонзаются в босые ступни.

Да где же мой дом? Мне нужно к маме.

– Мам?

Стою перед дверью, подъезд номер восемь, ключ не подходит к замку, ломается в руке, как печенье. Я дёргаю ручку, ещё раз, и ещё, и ещё, пока дверь не распахивается и я не падаю внутрь, захлёбываясь темнотой.

– Пара уколов...

– Мам!

– Да что же такое с тобой, как тебя остановить сегодня?

Перед глазами мелькают чьи-то рыжие волосы, я бегу на шестой этаж пешком. То вверх, то почему-то вниз, по коридору и снова по лестнице, лестница вообще не кончается, опять второй этаж, почему?

– Мама!

Кричу изо всех сил, так, что болит живот, но слышу только свой жалобный хрип, слабый, беспомощный, бесполезный.

Лестница не кончается, не кончается, третий этаж, снова второй, снова третий. Ноги тонут в ступенях, сердце пульсирует в горле, а за спиной совсем рядом шелестят голоса:

– Звоночки были. При наличии диагноза у родственников первой линии риск развития заболевания повышается на десять-двадцать процентов. И были же звоночки.

Звоночки. Звоночки.

Знакомая дверь на шестом этаже обита коричневой кожей, я жму на звонок с размаха, бью по нему до боли, стучу кулаками в дверь, пинаю.

– Мама!

Кричу, но не слышу ни звука. Бьюсь в дверь – раз, два, три, но двери нет. Четыре белых стены вокруг, облупившаяся штукатурка, холодный кафельный пол и мои разбитые колени. Я же опять бегала, опять упала, опять порвала колготки, я так боюсь боли, может, больше не идти домой?

Сажусь на полу, сжавшись в комок. Обнимаю колени и, спрятавшись за волосами, глотаю горькие слёзы. И вздрагиваю всем телом, когда чьи-то тёплые руки посреди ледяной пустоты обнимают меня за плечи.

И ласковый голос шепчет:

– Ну всё, хватит кошмаров. Давай просыпаться, Камилла.

* * *

Меня разбудил телефонный звонок. Я не помнила, как проснулась, как нажала на кнопку ответа, и совершенно не понимала, что хочет донести до меня голос из трубки. Он говорил довольно долго и обстоятельно, вроде и не ожидая ответа. А я слышала только бешеный грохот сердца, казалось, ещё немного – и объявят следующую станцию. Лишь через несколько минут я собралась с силами и вставила в поток речи первое, что пришло на ум:

– Да?

– Камилла, – мягко сказал голос. – У вас всё в порядке?

– Да, – автоматически соврала я.

И сразу поняла, что не так уж и соврала: всё было точно лучше, чем раньше, и сердце уже не пыталось выломать грудную клетку. На всякий случай я мысленно прочитала стишок про бычка, который идёт-качается, и убедилась: хотя бы с поэзией совладать могу.

– Хорошо, – одобрил голос. – Меня зовут Александр, мне дала этот номер ваша подруга Анна. Мы виделись три дня назад, помните?

Разумеется, я помнила. Но три дня назад? Это, кажется, было вчера.

– Ещё бы я забыла, – вырвалось у меня. Александр эту реплику проигнорировал и продолжил:

– Простите за поздний звонок, но у меня случился небольшой форс-мажор, и я в некотором роде остался на улице. Я совсем недавно в Москве, поэтому не знаю, к кому обратиться. А вы, как я помню, сдавали квартиру своей тёти, ничего не путаю?

– Да, всё верно, – растерянно подтвердила я. – Квартиру. Конечно. Но сейчас, кажется, ночь?

За окном стояла непроглядная темень и лил дождь. Я мельком глянула на часы – первый час ночи, ничего себе.

– А почему вы не хотите пожить в гостинице? – осведомилась я, пытаюсь окончательно продрать глаза. – Ну то есть нет, извините, конечно же, я покажу вам квартиру – и вы, если захотите, можете там остановиться. Я ходила на неё посмотреть – там почти ничего нет, кроме старой мебели и какого-то тётиного барахла. Только сейчас вроде бы не самое удачное время?

– Нет, что вы. – Голос в трубке звучал спокойно и мягко, абсолютно уверенно, как будто на часах не полночь и речь идёт о заказе пиццы, а не о сделке по аренде квартиры с полузнакомым человеком. – Время самое что ни на есть удачное. Если вам, разумеется, не трудно.

Меня отчаянно грызло ощущение неправильности происходящего: почти незнакомый мужчина ночью звонит по номеру, который я ему не давала, и просит срочно за неведомые деньги сдать ему квартиру, которую он даже не видел. И что самое неправильное – я абсолютно не настроена отказывать.

Потому что мне до смерти интересно, что будет дальше.

Кажется, тётя Лиза зря решила, что я именно тот человек, которому можно доверить свою драгоценную недвижимость.

– Не трудно, – бодро заявила я, мысленно поставив крест на своей адекватности. – Можете подъехать за ключами к моему дому, я вам их вынесу и дам нужный адрес.

Тут проснулся какой-то важный уголок моего мозга, и я добавила:

– Но квартира сдаётся минимум на три месяца с предоплатой, её нельзя рушить, пачкать, ломать мебель тоже нельзя, даже если очень захочется. Зато нужно поливать цветы и следить, чтобы в ванной не сорвало кран и вы не залили соседей. Холодильник пустой, сковородок нет, но есть посуда и чайник – чая, правда, тоже нет. Есть занавески. Нет телевизора.

– Какое горе, – вставил Александр.

– Есть спутниковая тарелка, хотя я не знаю, что вы с ней будете делать. Если что-то забыла, будет вам сюрприз. Если вы со всем согласны, можете подъезжать.

В трубке немного помолчали, а потом осторожно осведомились:

– Я вас очень испугаю, если скажу, что стою сейчас под вашими окнами?

– Нет, – вздохнула я. – Не сомневаюсь, что Аня выдала бы мой адрес по первому запросу даже инопланетянам. Минуту подождите, пожалуйста.

Я выбралась из-под одеяла, ошеломлённая своими необыкновенными успехами, схватила с тумбочки ключи, кое-как влезла в футболку и джинсы и в таком виде вышла на балкон, о чём немедленно пожалела, поскольку лето за эти три дня так и не наступило, а дождь с такой силой хлестал по земле, будто где-то наверху уже сорвало тётин кран.

– Камилла, вы морж? – осведомился Александр, выглядывая из-под широкого чёрного зонта среди неукротимых небесных вод. Картина получилась удивительно зловещая, что совершенно не сочеталось с его дружелюбным тоном. Я едва не передумала продолжать разговор, но всё же удержала себя в руках.

– Нет, я овца, – простучала зубами я. – Предоплату по номеру телефона сможете перевести?

Продиктовать номер, дожидаться эсэмэски о переводе – время редко идёт так же медленно, как в те минуты, когда ты на полпути к превращению в льдину. Но Александр великодушно поторопился, поэтому мне удалось сохранить привычное агрегатное состояние.

– Ловите ключи, – мечтая о воссоединении с одеялом, крикнула я.

Он поймал их с лёгкостью, как если бы профессионально занимался этим всю свою жизнь. Связка тихо звякнула в его ладони, словно пытаясь сказать «помогите».

– У вас есть дождевик? Если хотите, могу его тоже скинуть. Или ещё чего-нибудь.

– Не стоит, – вежливо ответил Александр, а у меня почему-то мурашки по коже побежали то ли от его спокойной фразы, то ли просто от холода. – Лучше не забудьте сказать мне адрес.

«Что ты такое делаешь?» – панически верещал мой мудрый внутренний голос. Но вместо того, чтобы к нему прислушиваться, я, задорно стуча зубами, продиктовала улицу, номер дома, этажа и квартиры и ретировалась обратно в тёплую комнату, под тёплое одеяло, в тёплые объятия сна.

Глава 2

Благодаря диплому информатика-экономиста, который вызывал у моих одноклассников что-то близкое к религиозному экстазу, я ни секунды своей жизни не работала по профессии. С первого курса успела побыть продавцом в зоомагазине, переводчиком, редактором, копирайтером, дизайнером и фотографом. Из всего этого хаоса только фотография держалась за меня мёртвой хваткой – с того дня, как я обняла дрожащими руками первую камеру и почувствовала себя охотником за застывшей магией.

Последние четыре года я, собрав в кучу все свои таланты и способности, мимикрировала под маркетолога в маленькой, но не слишком дружной компании. А в один солнечный летний день, после очередного скандала с пухом и перьями, в приступе экзистенциальной ярости пошла и написала заявление об увольнении. Потому что если тебе не нравится твоя работа – то зачем ты на ней работаешь? Всегда найдётся миллион других способов добыть себе еду – например, в костюме цыплёнка продавать открытки с котами на Арбате. Или ограбить банк.

Искать работу оказалось интереснее, чем работать, хотя, конечно, денег мне за это никто не платил, и моя сокровищница стремительно пустела – любовь к путешествиям даётся уж слишком недёшево.

Даже поездка в Будапешт выглядела слабоумием и отвагой, но я две недели просыпалась с мыслью о Базилике Святого Иштвана, пока не поняла, что проще осуществить мечту и полгода сидеть дома, чем бороться с искушением. Теперь путешествие подошло к концу, ресурсов не осталось, как и любимого фотоаппарата, пришло время наконец-то определиться с планами на будущее и целями в жизни.

Для очередного собеседования мне достался самый сказочный осенний день. Солнце светило так, что хотелось скинуть куртку и сменить кеды на балетки, но делать этого в здравом уме не стоило: на улице по-прежнему плюс семь. Я упивалась этим солнцем, воздухом, птицами на деревьях, желтеющими листьями и собственным настроением. А наушники заменяли мне плащ-невидимку – с ними я растворялась, как призрак, в любой толпе.

Но в тот раз фокус не сработал.

Я стояла, повиснув на поручне, и разглядывала в отражении свои торчащие во все стороны кудри. В голову упрямо лезли сомнения, прилично ли в таком виде являться к потенциальному работодателю. Всё-таки можно было внимательнее потрудиться над имиджем, я ведь собеседуюсь не на должность ведьмы. Вот ведьмой меня с такой причёской взяли бы сразу, а маркетологу, возможно, стоило бы выглядеть чуточку солиднее.

На Таганской одна волна пассажиров снесла меня в глубину вагона, грубо оборвав философские рассуждения, а другая – втокнула внутрь удивительно безобразную женщину.

Одна её рука была короче другой раза в два, зубы оскалены в кошмарной ухмылке, нос уходил в сторону правого глаза, и только волосы она явно похитила у другого человека – длинные, густые, красиво струящиеся по плечам пшеничные локоны.

Я содрогнулась и полезла в сумку за книжкой – это же московское метро, тут и не такое увидишь. Но вытащить не успела: женщина, расталкивая пассажиров, направилась ко мне, вцепилась в запястье короткой рукой и скрипуче заверещала прямо в лицо:

– При выходе из поезда не забывайте свои вещи!

Я взвизгнула и шарахнулась в сторону. В моём хит-параде ужасов на первом месте всегда стояли непрошенные прикосновения, на втором – резкие звуки, а на третьем – неприятные запахи, и прекрасная незнакомка как раз пахла как целый мешок тухлых яиц.

От жуткой вони заслезилась глаза, и в ту же секунду поезд тронулся, едва не уронив меня на колени к строгой тётушке с нарисованными иссиня-чёрными бровями.

– Аккуратнее надо, девушка, – железным тоном сообщила мне она.

– Извините, – проблеяла я и огляделась.
Кошмарной женщины и след простыл.

Я глупо озиралась, но её не было ни рядом, ни на сиденьях, ни за стеклом, в соседнем вагоне.

Она либо испарилась, либо выскочила в форточку. И непонятно, какой вариант пугал больше.

* * *

До Курской я добралась без дополнительных приключений, но с ощущением, будто забыла закрыть дверь или выключить утюг. Почти оторвала кусок рукава, пытаясь хоть как-то отвлечься.

Свернув с Земляного Вала, я вынырнула в забытый всеми богами переулок – даже асфальт явно не понимал, зачем он здесь лежит. Прошла мимо двора с низкими воротами, из-за которых торчали обугленные балки, на углу обогнула безногий стул, облезлый, но не сломленный. Безупречный маршрут навстречу работе мечты.

Офис студии находился дальше, в доме с тёмными окнами, и всем своим мрачным видом отрицал родство с жизнерадостной вывеской у входа. Это напоминало путешествие в штаб-квартиру сил зла, но за облупившейся металлической дверью обнаружился совершенно заурядный офис – с запахом кофе, конф-колов и дедлайнов.

Меня встречали так радушно, будто в последний раз здесь видели живого человека три года назад. Осыпали с порога печеньем, выдали чашку кофе, проводили в просторный кабинет с романтическим видом на желтеющий клён и усадили в кресло, в уютных объятиях которого можно было прожить всю оставшуюся жизнь. Я снова глянула на отражение в стекле – ну ладно, вроде даже и неплохо выгляжу, сразу понятно: смогу и рекламную кампанию организовать, и превратить конкурентов в жаб.

Через пару минут в кабинет впорхнула миниатюрная девушка с именем Юлия на бейджике. Она напоминала принцессу, только что сбежавшую из сказки: розовое летнее платье, рукава-фонарики. Юлия со всей непосредственностью плюхнулась в кресло напротив – и в тот момент я поняла, что всю дорогу переживать из-за недостаточно приличных кудрей было необязательно.

Следом за Юлией в дверь бесшумно проскользнул мужчина. Высокий, болезненно худой – как будто его растягивали в длину, пока не исчезло всё лишнее. Когда-то его костюм, наверное, был пёстрым и даже нарядным, но потом выцвел до невнятной серости – вместе с хозяином. У мужчины было узкое лицо, тонкие узловатые пальцы и тот самый взгляд, который обычно заставляет собеседников увлечённо разглядывать узор на обоях и вспоминать расписание электричек.

Он молча встал у Юлии за спиной, а я решила, что это важный босс и нужно, пожалуй, несколько раз подумать, прежде чем принимать оффер.

– Камилла, как хорошо, что вы пришли! – воскликнула Юлия с явно заготовленным энтузиазмом.

А потом вдруг закашлялась, извинилась, поспешно раскрыла папку и зашуршала бумагами. Мужчина расслабленно потрепал её по голове, как славного пёсика; Юлия поморщилась, будто от сильной боли, но не обернулась. Выглядело, мягко говоря, странно, но я отложила выводы на потом.

– Нам очень понравилось ваше резюме, – уже более деловым тоном сообщила Юлия, вытягивая нужный лист. – Насколько я понимаю, по профессии вы экономист, но с экономикой никогда связаны не были? И раньше довольно часто меняли рабочие места. Как бы вы это прокомментировали?

Она снова несколько раз болезненно кашлянула и извинилась, а я озадаченно зависла, не оставляя попыток порвать рукав. Как бы я это прокомментировала? Я неудачница и умру под забором? Я неприкаянный дух в мире офисных кресел? Я четыре года проработала в одной компании, о чём речь?

Мужчина склонился к Юлии, почти коснувшись губами её уха.

– Кидается на любую работу, а потом сбегает, как крыса с корабля, – прошептал он, глядя мне в глаза.

Юлия, не оглядываясь, потёрла ухо, а я метнула в мужчину удивлённый взгляд. У меня возникло много вопросов, но все они слились в один:

– Простите, что?

– Я спрашиваю, как бы вы это прокомментировали? – повторила Юлия, терпеливо заглядывая мне в глаза.

Голос её звучал хрипло. Кашель не отпускал, но она с отчаянным мужеством старалась это скрыть.

Я открыла рот, но мужчина снова опередил меня:

– Сейчас скажет, что у неё творческая натура. Это так неожиданно.

– Что вы... – Слова застряли у меня в горле, и я уставилась на Юлию, изо всех сил стараясь не видеть его лица. – Что вы имеете в виду? Жизнь короткая, хотелось попробовать разное. Но сейчас я ишу работу надолго.

– Это замечательно, – улыбнулась Юлия. – А что в работе вам нравится больше всего?

Я совсем растерялась, пытаюсь не обращать внимания на мужчину и одновременно припомнить, что вообще нужно делать, когда ты маркетолог. Юлия смотрела на меня так, словно всей душой верила, что я вот-вот выдам правильный ответ.

– Врать, – негромко произнёс мужчина.

Он снова погладил Юлию по голове, а затем аккуратно, даже нежно сжал пальцы на её шее. Она судорожно вдохнула и закашлялась так, словно вот-вот расстанется с лёгкими, – тяжело, мучительно, неловко отворачиваясь и посылая мне все возможные сигналы, кричащие: «Простите!» Потом потёрла лоб, поморгала, но на мужчину не обернулась.

Если это какая-то игра, то я проигрываю. Если это стресс-интервью, то лучше бы спросили, сколько пингвинов помещается в школьный автобус.

– Работать с людьми, – выдохнула я. – Да. Я люблю работать с людьми.

Господи, что я несу? С какими людьми я так страстно люблю работать?

Юлия улыбнулась. Мужчина – тоже.

– Какие люди? – Он покачал головой. – Бормочет так тихо, что люди её не расслышат. Даже здесь сидит, как будто ждёт, что её сейчас ударят.

Лицо медленно залило жаром, словно мне на макушку выплеснули полную чашку кофе.

– Это хорошее качество, – сказала Юлия, игнорируя и его слова, и мои полыхающие щёки.

– Бесценное, – лениво согласился мужчина. – Умение ждать удара – вообще полезный навык.

Я вцепилась в подлокотники до побелевших костяшек – и почувствовала, как мурашки бегают по коже под толстым свитером. Это уже напоминало не собеседование, а кастинг на главную роль в фильме ужасов, и сколько бы я ни пыталась сохранить лицо, делать вид, что всё в порядке, не осталось ни сил, ни желания. В голове столкнулись две галактики: в одной я уже была на полпути к выходу, в другой – не могла молча оставить Юлию с каким-то психом наедине.

И всё, на что меня хватило, – это глухо выдохнуть:

– А вы кто вообще?

Юлия моргнула.

– Простите?

– Это не вам, – нервно отозвалась я.

Мужчина медленно улыбнулся, взял со стола ножницы – и, к моему абсолютному ужасу, задумчиво повёл ими вокруг её головы.

Я замерла.

Юлия откинулась в кресле, глубоко вдохнула, несколько раз кашлянула, медленно поправила платье, потёрла лоб, но не посмотрела в его сторону.

– Камилла, всё в порядке? – с лёгким беспокойством уточнила она.

В горле пересохло так, словно я наелась пепла. Юлия совершенно не замечала человека с ножницами – не смотрела на него и краем глаза, не оглядывалась, не реагировала, словно его просто не существовало.

Что мне делать?

«Этот мужчина хочет в вас ножницы воткнуть» – так и сказать?

Я моргнула, пытаюсь собраться с мыслями, – раз, другой, пока не заслезилась глаза. Юлия смотрела на меня так, словно я только что попыталась вскочить на стол и прокукарекать.

– Вы очень бледная.

– Кто это? – прохрипела я, указывая ей за спину.

Очень медленно, с сомнением, будто решая, стоит ли вообще на это реагировать, Юлия повернула голову вправо.

Так же медленно длинный мужчина поднял руку с ножницами прямо над ней.

За четверть секунды проведя в уме все необходимые вычисления, я схватила со стола первое, что попало под руку, и метнула – кажется, это был степлер.

Только для того, чтобы увидеть, как он пролетает сквозь воздух.

Мужчина исчез. Ножницы тоже. Степлер с грохотом врезался в стену.

– Да что с вами не так, Камилла?! – закричала Юлия, и её голос вонзился мне в уши.

«Это конец всему», – подумала я.

Юлия вскочила с места, но я уже развернулась и направилась к выходу, стараясь не бежать. Влажные ладони скользили по дверной ручке, в ушах стоял шум.

Я вылетела в коридор, хлопнула дверью и чуть не сбила с ног проходящую мимо женщину с кипой бумаг. Она что-то раздражённо буркнула, но я не остановилась.

Просто вышла в солнечный осенний день. В мир, где ничего этого быть не могло.

* * *

Не помню, как я оказалась в метро. Помню, как сидела в вагоне, уткнувшись лицом в ладони и отсчитывая остановки. Перспектива поднять глаза вызывала почти животный ужас. Расцарапанная в кровь рука, которую я терзала в попытках проснуться, щипала и ныла.

Конечно же, я пропустила свою остановку, и, конечно же, так и не нашла силы выйти и вернуться назад. Поэтому проехала полный круг по кольцу, добавив себе ещё немного отчаяния. Я, вероятно, выглядела как человек глубоко не в себе, но это же московское метро – тут ты можешь раздеться догола, есть сырую капусту и читать вслух псалмы, и никто не посмотрит в твою сторону.

Когда в толпе на эскалаторе мою руку задела чья-то сумка, сердце чуть не выскочило из груди и едва не взорвалось, как хлопушка. От метро до дома я бежала почти с закрытыми глазами, считая шаги, которых оказалось невыносимо много.

Родной подъезд выглядел оазисом в пустыне, и я неслась к нему сквозь невидимые пески со скоростью локомотива. Но на лавочке у двери вдруг обнаружили трое бабуль, и этот факт неожиданно отвлёк меня от намеченной цели.

Они восседали там, как статуи божеств в ожидании ритуальных подношений: центральное место в пантеоне занимала хмурая бабушка в коричневом пальто, которое делало её похожей на монаха, постигшего все тайны мироздания. Бабушка по правую руку от неё вязала что-то очень красное и пушистое, а бабушка по левую выглядела суровой, как сфинкс, бдительно оглядывающий окрестности.

И было это, конечно, удивительно, потому что раньше у моего подъезда никаких бабушек не водилось вообще, тем более – сразу трёх.

– Ты глянь, что за редкая птица к нам во двор залетела! – гаркнула первая, прищурившись и кивая на меня так беспардонно, что от неожиданности я притормозила у входа. – Глянь, как трясётся, будто батон хлеба в метро нашла.

– Ой, Нин, да это ж у нас наркоманский фламинго! – подхватила вторая, взмахнув вязанием. – Глаза-то дикие, как у белки на кофеине.

– Да нет, это ж проститутка сто пудов, – мрачно заметила третья, упираясь руками в бока. – Видела я её ночью, всё бродит, вынюхивает.

«Чего?» – вертелось у меня в голове.

– Эй, красавица, клиентов потеряла? – снова крикнула первая, будто я глухая. – Или просто распугала их своими антеннами?

Я хотела взять себя в руки, перестать бессмысленно пялиться на это странное иммерсивное шоу и пойти дальше, но замерла, точно прибитая. Переводя взгляд с одной бабушки на другую, я со стучащим в горле сердцем наблюдала, как меняются их лица: на мгновение, на секунду, будто показалось, но нет, не казалось.

Огромные уши.

Кривые носы.

Свисающие на подбородок губы.

И за их спинами что-то мелькало.

Крылья. Чёрные, кожистые, как у летучих мышей.

– Нина, ну ты её не пугай, а то вдруг прямо тут и помрёт от страха, – хмыкнула третья бабушка. – Девка, это новый тренд – выглядеть как из мусорки только что выползла?

– Да какие клиенты? Ты на неё посмотри, – не унималась вторая. – С такой шевелюрой только метлу в руки – и на Лысую гору. А у нас тут приличный район!

Остатки разума кричали: «Камилла, чего ты стоишь, уходи!» Но я всё стояла и смотрела, не в силах оторвать взгляд, и слушала, не зная, что ответить. Как мышь в террариуме, хлопала глазами и вместе с чувством реальности теряла последние следы самоуважения.

– А теперь она думает поди, что закроет дверь – и дело с концом, – зашипела третья бабушка, хищно улыбаясь. – Хиханьки-хаханьки ей всё, погляди.

– Всё это звоночки, знаете ли, – подтвердила вторая. И добавила злобно, глядя мне в глаза: – Всегда были звоночки, да?

Показалось, что у меня загорелась голова. Будто кто-то чиркнул спичкой – и теперь у меня на макушке, на лице, на ушах прямо поверх мурашек и ледяного пота танцует пламя. Я наконец распахнула дверь подъезда, грохнув ей об стену, с таким же грохотом захлопнула за спиной и сайгаком взбежала по лестнице.

Ворвавшись в квартиру и заперев за собой все замки, я села на пол и уставилась в стену. Стена казалась родной и знакомой. Над головой тихо тикали старые часы, и я начала считать.

На первых шести секундах я вдохнула, на следующих шести выдохнула. Ещё через шесть снова вдохнула. И через шесть выдохнула.

Через двести сорок щелчков стрелки всё стало почти нормально. Ещё через девяносто я подняла себя с пола, отвела на кухню и заставила выпить большой стакан ледяной воды.

И тогда смогла думать.

Допустим, у меня галлюцинации. Причин может быть сколько угодно, не зря же я три дня пролежала с высокой температурой – вот и сейчас не мешало бы её измерить.

Всё же вряд ли это то самое.

«Наиболее частыми проявлениями болезни являются слуховые псевдогаллюцинации, ложные воспоминания, параноидный или фантастический бред либо дезорганизованность речи и мышления на фоне значительной социальной дисфункции и нарушения работоспособности», – услужливо подсказал внутренний голос, всегда готовый помочь с цитатами из медицинской литературы. Замирая внутри, я по кругу и так, и этак примеряла на себя это определение, и вроде бы ничего из перечисленного не подходило. Впрочем, кто знает – вполне вероятно, что болезнь мешает оценить тяжесть симптомов.

Но я же как-то добралась до дома. Значит, уже лучше. С кем не бывает? Вот смотрю сейчас на свои руки – нормальные вроде бы руки. Значит, всё хорошо. Я нормальная. Всё будет хорошо.

Так ведь?

Но я видела, как горгулья вырвала из моих рук камеру.

А горгулий не существует.

Но тогда мне просто могло показаться.

Надо чем-то себя занять, а то и правда крыша поедет.

Сначала я кое-как замотала бинтом расцарапанную ладонь. Потом собрала по кухне все запасы фруктов, сгрузила в большую миску, свернулась в кресле, достала книжку и приготовилась провести остатки дня за самым умиротворяющим делом в мире.

Книжка оказалась абсолютно пуста. Я перелистывала страницу за страницей – ни единой буквы. Ни точек, ни запятых – вообще ничего. Пустота.

Пару раз глубоко вдохнув, я подняла себя на ноги и подошла к книжному шкафу. Вот, например, сборник рассказов Кафки – я так его и не дочитала, и судьба Грегора Замзы до сих пор для меня загадка.

Кафка был пуст.

И Кинг. И Булгаков. И Пратчетт. Я одну за другой брала книги с полки, листала и бросала под ноги. Букв не нашлось ни в одной.

Кое-как выбравшись из квартиры, я сбежала по ступенькам на первый этаж, рванула на себя дверцу почтового ящика и вцепилась в газету. Пустую. Сплошные листы чистой бумаги.

– Это просто какой-то ад, – сообщила я неизвестно кому и пошла домой. – Просто ад. Этого не может быть.

Соседка сверху шарахнулась от меня, как от чумной, но я даже не обернулась на неё. Захлопнула дверь, заперла на все замки и забралась в кровать.

– Ну и что мне делать теперь? – спросила я у потолка.

Потолок, спасибо ему большое, промолчал. Подтянув одеяло к подбородку, я закрыла глаза.

– Вообще-то, надо бы мне поспать.

Наверняка это просто переутомление. Школьная подруга рассказывала, как в бреду тонула в зыбучих песках и звала на помощь маму и папу. Всё это тоже напоминало отчаянно затягивающий меня песок. В конце концов, надо просто как следует отдохнуть – уж это вообще помогало от всех бед. Когда умерла бабушка, я проспала несколько суток, а потом осталось только встать и жить дальше.

Но заснуть не удавалось – да и с чего бы, в такую рань? Особенно сове до мозга костей. Особенно сове, проснувшейся в полдень. Я лежала в тишине, сверля взглядом потолок, в квартире не было ни звука, только моё судорожное дыхание.

И звоночки.

Я ворочалась из стороны в сторону часа два, мысленно рассказывала сказки и пела колыбельные, но ничего не помогало. На третьем часу гениальное решение всё-таки пришло, и я вытряхнула из прикроватной тумбочки тубик со снотворным, завалившийся в куче хлама вроде старых конфет, вязальных спиц, карманного зеркала и сборника рецептов печенья. Последний раз эта реликвия пригодилась мне ещё на пятом курсе и теперь почти заросла мхом. Дерзко предположив, что утро вечера мудренее, я щедро отсыпала себе три таблетки, немедленно выпила и уставилась в потолок в ожидании.

Но на потолке не показывали мультиков, поэтому я быстро заскучала и перевернулась набок. И шарахнулась, сметя рукой светильник с тумбочки и едва не слетев с постели спиной вперёд. С соседней подушки на меня загадочно смотрела девочка лет двенадцати, с неестественно длинным носом и настолько же неестественно выпученными зелёными глазами. Молча наблюдая за мной, она задумчиво вертела в пальцах кончик длинной русой косы, а затем медленно улыбнулась – широкой, слегка безумной улыбкой, обнажившей ряд заострённых жемчужно-белых зубов.

Я попыталась закричать, но вырвался только слабый стон. Выпутавшись из одеяла, всё-таки свалилась с кровати на пол. Комната вокруг поплыла – отличная, конечно, была идея выпить три таблетки, чем мне не угодила одна? Мучительно старалась сфокусировать взгляд, но всё вокруг было видно как через запотевшее стекло.

В моей постели не может быть девочек, ни с косами, ни без них. Независимо от длины их носа – в моей постели, кроме меня, девочек нет.

На подгибающихся ногах я на ощупь добралась до душа, включила ледяную воду и заснула под неё голову. И даже не почувствовала холода.

Последнее, что я запомнила, – это огромные зелёные глаза девочки, сидящей верхом на стиральной машине и постукивающей по ней длинными тонкими зелёными пальцами. За её любопытным взглядом последовала темнота.

* * *

Мне доводилось просыпаться с чудовищным похмельем и после операции под общим наркозом. И пробуждение на полу в коридоре не имело ничего общего с теми ощущениями. Скорее это походило на последствия столкновения с поездом. Посреди завалов какого-то хлама я первые несколько секунд вообще не могла понять, жива ли, и если да – то правда ли это хорошая новость.

Я пошевелила рукой, потом второй, потом огляделась. Ведро на месте головы гудело, как колокол.

– Твою же мать, – прохрипела я, переворачиваясь на спину.

Лучше бы увидеть призраков и бабуть с крыльями, чем то, что стало с ремонтом, в который я вложила несколько зарплат маркетолога. И на что походили обои, которые я мучительно выбирала два месяца. И как полки с книгами и коллекцией фарфоровых панд валялись на полу, перемешанные в абсурдный салат.

– Ну твою же мать! – Я закрыла лицо руками, глубоко вдохнула несколько раз и подняла себя на ноги. Квартира превратилась в руины. Всё содержимое шкафов и тумбочек валялось кучами на полу, посуда разбилась вдребезги, кухонный шкафчик выглядел так, словно его рубили топором. Даже моё любимое полотенце, разорванное на куски, было разбросано по всему коридору.

Первым делом я подумала, что меня ограбили. Красть здесь было особо нечего, но при некоторой доле воображения простор для манёвра оставался. Но среди обломков нашёлся и ноутбук, и техника, которая могла хоть чего-то стоить. По всему выходило: не пропало ничего. Да и дверь осталась заперта изнутри, как и балкон и окна.

Вторую версию я отмела мгновенно: нет, девочка с длинным носом не могла этого сделать. Хотя бы по той причине, что галлюцинации квартиры не громят. А она могла быть только галлюцинацией, больше вариантов никаких.

А потом, спотыкаясь о куски шкафов и книги, в разбитом зеркале я мельком увидела своё отражение. На первый взгляд выглядела нормально – если не считать порванной одежды. Ещё через секунду я разглядела свои руки и села там же, где стояла: ногти переломаны, костяшки пальцев стёсаны, ладони грязные, будто я всю ночь рыла могилу.

Это что же такое.

Я не успела додумать мысль – меня прервал звук телефона, рыдающего из куртки на чудом уцелевшей вешалке. Не вставая, я вызволила его из кармана и увидела шестьдесят восемь пропущенных. Сначала решила, что у меня что-то с глазами, потом – что кто-то уже вызвал полицию и скоро меня придут спасать. Но все вызовы оказались с одного и того же незнакомого номера, владелец которого был явно одержим жадой общения и тут же перезвонил снова.

– Камилла? – осведомился смутно знакомый голос.

– Да.

– Мне срочно нужна ваша помощь.

– А вы...

– У меня очень большие проблемы с квартирой вашей тёти. Пожалуйста, приходите как можно скорее.

– Я...

– Я совершенно не знаю, что с этим делать.

– Я тоже не знаю, что с этим делать, – зло огрызнулась я. – Я не могу прийти. У меня срочные дела.

– Камилла, вы меня слышите? – Александр на той стороне телефонной сети звучал странно, будто и правда квартиру тёти Лизы вместе со спутниковой антенной прямо при нём пожирали термиты. – Вы должны немедленно прийти сюда.

– А вы меня слышите?

– Просто сделайте как я говорю.

– Да что вы...

Договорить не успела – Александр лаконично повесил трубку. Где-то в глубине души пробудился гнев: да что он позволяет себе?! Он кто такой, чтобы мне приказывать? На поверхности тут же шевельнулось любопытство: что он такое натворил, раз ему срочно понадобилась помощь? Если действительно сорвало злосчастный тётин кран – то я что, сантехник? А если не кран – может, там открылся портал в ад?

Я сидела в своём углу, не двигаясь, и прокручивала в голове самые мрачные сценарии. Что меня ждёт за дверью? Может, лучше навечно остаться здесь, в привычной норе, где хотя бы никто не увидит, во что я превратилась?

Но каждый угол комнаты давил на голову, каждый звук казался громче, чем на самом деле. Никакого спасения в разрушенной квартире не было. Сидеть дальше означало окончательно утонуть – в себе, в панике и в мыслях, которые с каждой минутой пугали всё сильнее.

К тому же, как учил меня Роки из «Чипа и Дейла», если упал с велосипеда – надо сразу лезть обратно.

Старательно прогоняя из головы нарастающий ужас, я выбралась из угла и попыталась хоть как-то восстать из пепла. Получилось плохо – из дома я вышла в образе тёмного лорда бездомных, нацепив на нос солнечные очки, наспех завязав волосы и замотавшись в огромный шарф поверх пальто.

Все эти манипуляции немного привели меня в чувство, поэтому я не кралась по стеночке и не перебегала от куста к кусту. Я выскользнула так, чтобы точно проскочить без остановок

мимо бабушкового спецназа, но зря переживала: ни одного строгого взгляда, ни наркомании, ни проституции. Навстречу шли сплошь обычные люди, абсолютно ко мне равнодушные.

И всё же Александр, встретивший меня у тётиного подъезда, смотрел с искренним сочувствием.

– У вас что-то случилось? – вежливо спросил он.

– У меня всё отлично! – с лёгким оттенком истерики в голосе отчиталась я. – А у вас?

– И у меня. Но я не знаю, что делать с краном. Он ведёт себя как-то тревожно.

Я призвала на помощь всё своё спокойствие, но его запасы явно до предела истощились.

– Тревожно? – покладисто отозвалась я. – Он шепчет вам на ухо угрозы?

– Мне кажется, он вот-вот сломается. Поэтому без вашей помощи не обойтись.

– Что значит «вот-вот сломается»?

– Не знаю. Давайте я вам покажу.

С краном не случилось решительно ничего особенного. Он оставался старой доброй рухлядью, но всем своим видом давал понять, что переживёт ещё не одно поколение жильцов.

Занятнее было с Александром. Стоило нам оказаться в квартире, как он, кажется, совершенно потерял интерес к сантехнике – ушёл на кухню и медитативно колдовал там над тётиной туркой, наполняя полупустые комнаты опьяняющим ароматом. Его невозмутимость охватывала всё вокруг – словно мои тревоги и страхи растворялись в тишине, пропитанной терпким запахом кофе.

Я тем временем тупо разглядывала кран и жалела себя. Спина болела, шея болела, руки саднили так, что хотелось их выбросить и забыть, зато разум наконец прояснился и теперь шевелился получше меня самой. Я мельком глянула на себя в зеркало: гнездо на голове, перекошенная одежда, синяки под глазами – ну просто королева красоты, и как Александр не испугался меня впускать?

– Главное не то, что на голове, а то, что внутри головы, – сообщил он мне, застав за попыткой запихать растрёпанные пряди под резинку. Я, пожалуй, никогда не видела, чтобы человек с таким достоинством держал в руке совершенно идиотский тётин чайник с нарисованной улыбающейся физиономией.

– Это смотря для кого, – вяло пробормотала я. – Вот для парикмахеров – как раз наоборот. А у меня бабушка парикмахер.

– А у меня нет бабушки. – Александр пожал плечами. – Зато есть мятный чай. Кофе я вам не налью, вы выглядите как человек, которому бодрости и без того хватает. Я читал, что таких людей необходимо поить чаем, а не то они превратятся в тыкву. А если присядете вон там, это немного отсрочит превращение.

Он сунул мне в руки кружку и жестом указал на кресло. Я тоже пожалала плечами, выражая готовность присесть где угодно, лишь бы Александр не начал помахивать крыльями и растворяться в воздухе, как мои предыдущие собеседники.

– С краном всё хорошо, – сообщила я, послушно опускаясь на сиденье. – Он был таким, сколько я себя помню.

– Спасибо. Камень с души.

Несколько секунд мы сидели молча, я чувствовала себя странно. Вообще вся история странная: закатил мне истерику, заставил прийти, а я тоже хороша – зачем прибежала?

– Как дела у Ани? – спросила я первое, что пришло в голову, просто чтобы прервать молчание. Светские беседы никогда не были моим коньком.

– У Ани?

– У Ани. Которая нас познакомила.

– А, у Ани. Не знаю, мы больше не виделись.

– А...

Я тут же признала миссию по заполнению пауз завершённой. Горячий чай оказался настолько кстати, что я чуть не расплакалась от благодарности. Так и сидела, уткнувшись носом в кружку, умоляя, чтобы эта передышка продолжалась подольше.

Когда пялиться в кружку мне надоело, я стала разглядывать Александра. Интересно, сколько ему всё-таки лет? Тогда я ляпнула, что ему за сорок, а теперь, с чашкой кофе в руках, сидящий на тётином подоконнике, он стремительно скинул с десятков.

– Александр, сколько вам лет? Я ведь даже паспорт ваш не попросила, когда отдавала ключи, обычно я лучше соображаю, честное слово.

Я мысленно покрутила пальцем у виска: идиотизма мне явно не занимать. Ладно возраст, ладно паспорт, но я ведь и его фамилию не знаю. Кем надо быть, чтобы сдать квартиру человеку без фамилии?

– А вы читали «Фауста»? – совершенно некстати спросил он, немало меня озадачив.

– Читала. И «Портрет Дориана Грея» тоже, но всё-таки надеюсь, что вы не к тому клоните.

– Спектакль тогда был так себе, как вы считаете?

Я моргнула, перед глазами вспыхнула картинка: театр, антракт, впереди вторая половина «Фауста», коридор, девушка в роскошном платье и спутник с отрешённым взглядом, слушающий её без особого интереса.

– Ага. – Я глупо кивнула. Потом перехватила кружку поудобнее – её тепло немного помогало оставаться в контакте с реальностью. – Ну нет, подождите. И вы меня запомнили? То есть, я хочу сказать, мне в тот раз больше запало в душу платье вашей девушки, а вовсе не вы.

Какая ты вежливая, Камилла, как отлично умеешь формулировать мысли. Постучалась бы головой об стену, но сил нет.

– Запомнил, – снова невпопад согласился он.

Я несколько секунд буравила его взглядом, а потом с негодованием всплеснула руками и триумфально вылила на себя полкружки чая.

– О господи, – бессильно вздохнула я. – Сегодня не мой день. И вчера был не мой. И не помню, когда последний раз был мой. Интересное вышло совпадение, но я, пожалуй, пойду домой. Спасибо за чай.

– Погодите убежать, чего вам не сидится? Пейте чай. Я ни разу ещё не встречал вас в таком виде, а в последнее время мне стало казаться, что вы преследуете меня нарочно.

Стараясь не пересекаться с ним взглядами, я сосредоточенно тёрла рукавом противное мокрое пятно на свитере, как будто надеялась избавиться от него, от всей череды своих недавних решений, а также от списка из миллиона вопросов. Их теперь, получается, некому задавать – раз уж Александр, похоже, считает, что маньяк среди нас я. Непонятно, что тут вообще можно спросить, особенно когда так болит голова.

– Думаю, – наконец выдавила я, – что это самый неудачный сентябрь в моей жизни. Раньше я и не мечтала достичь такого уровня неудачливости. Даже вот у вас не спросить, какого чёрта творится.

– Можете спросить.

– Какого чёрта творится, Александр? Какое у вас, кстати, отчество? Может, хоть этот кусочек информации разделите со мной?

– С моим отцом ситуация примерно как с бабушкой. Я бы предпочёл выбрать другой кусочек.

– Видите? И тут неудача. Можно ещё чая? Вылью его на себя, чтоб вот это пятно было симметричнее.

Александр удалился с моей кружкой на кухню, а я закрыла глаза, глубоко вдохнула и задержала дыхание. Потом ещё раз, и ещё. Ветер из приоткрытого окна мягко шевелил занавески и мои растрёпанные волосы; прохладный воздух касался лица, и я мимолётно раздража-

лась, что тётин сосед снова курит на балконе. Дышать классно, думала я. Гораздо приятнее, чем не дышать.

– Камиш, на что ты так загляделась? – спросила бабушка.

Я моргнула.

Табуретка под моими ногами шаталась, словно и она удивлена тем, что я здесь. Бабушкина кухня – моя кухня за много лет до того, как стала моей. Стол – большой, как стадион, на нём – башня из карт, торжественно и хрупко возвышающаяся над кружками с недопитым чаем. Кухня казалась необъятной, бабушка – высокой, и я, даже стоя на табуретке, доставала ей только до плеча. Взгляд заскользил по комнате, задержался на зеркале – и оттуда на меня посмотрела я, пятилетняя, с нелепым оранжевым бантом и ссадиной на щеке – подарком от берёзовой ветки в мой собственный день рождения.

– Аккуратнее, сейчас всё упадёт, – тихо, неестественно растягивая слова, проговорила бабушка.

Опоздала. Я неуклюже взмахнула рукой – и разрушила всё. Вихрь из карт взметнулся в воздух, пёстрой метелью осыпая кухню. Пики, трефы, бубны, черви. Дьявол. Смерть. Башня.

– Ну вот, горе луковое. Теперь собирай!

Карты двигались, бурлили, как каша, которую мешают огромной ложкой, и пёстрый ковёр просел в самой середине, уходя водоворотом вниз, может, к соседям, а может, на дно кастрюли. Я пыталась удержать карты, но они скользили сквозь пальцы, я падала в самую гущу вместе с ними, с тумбочкой, столом и бабушкой, с зеркалом и отражением. Мне пять, восемь, тринадцать, семнадцать, двадцать три. Вокруг меня Саша, Аня, Сергей, кошка Лапа и бесчисленные Катины джунгарские хомяки.

Минуто или тысячу лет спустя, в этом бесконечном падении что-то задело мою руку, я зашипела от боли и вскочила на ноги, наткнулась на диван, ударилась о шкаф и наконец остановилась, тяжело дыша. Слезы сами текли ручьём, сердце стучало в ушах, воздуха катастрофически не хватало для нормального человеческого вдоха.

– Прекратите! – прошептала я неизвестно кому заплетающимся языком.

Я стояла посреди тётинной комнаты, ногами на твёрдом надёжном полу, где-то тикали часы, за окном жизнерадостно верещали дети, а Александр пристально смотрел на меня, застыв в дверном проёме.

Бабушки не было. Только её лицо, ещё совсем молодое, тёплый взгляд карих глаз за толстыми стёклами очков, улыбка одним уголком губ – такой она замерла передо мной, как прозрачная фотография, отпечатанная на сетчатке глаз. Я тысячи раз думала, что отдала бы всё за возможность снова увидеть её, снова стать «горем луковым», просто услышать её «Камишка». Только не так. Я загадывала – не так.

Сделав пару шагов вперёд, я упёрлась в стену руками и лбом, опустилась на корточки, пытаясь удержать комнату на месте и выровнять дыхание. Голова пустая, стена холодная. Я развернулась и прижалась спиной, подтянула колени к груди, смахнула слёзы тыльной стороной кисти и уставилась в одну точку, стараясь не моргать.

– Мне всегда безумно хотелось, чтобы со мной наконец случилось что-нибудь интересное и невероятное. Но не такая срань. Я не наркоманка, если что. И не проститутка, – зачем-то уточнила я.

– Что вообще могло бы натолкнуть меня на такую мысль? – осторожно поинтересовался Александр, но я продолжила:

– Даже никакие таблетки не принимала никогда, кроме снотворного. Простите, мне, наверное, надо к какому-нибудь врачу, и, видимо, стоит отправляться немедленно.

Александр поставил на стол кружку с моим неудавшимся чаем, отодвинул торшер и уселся на пол со мной рядом. Он пах едва уловимо и смутно знакомо – какими-то специями. Я хотела отодвинуться, но не справилась, поэтому мы немного посидели так в тишине.

– Вам, наверное, лучше позвонить родственникам, – наконец сказал он.

Я задумалась. Стоит ли вываливать на него захватывающую информацию о моей удивительной семье? Вряд ли это интересно хоть кому-то – ещё одна история о том, как оказаться очень одиноким петухом в очень большой Вселенной.

– У меня нет близких родственников. Только тётя, и та в своём Воронеже.

– Друзья? – предположил Александр.

– Нет, – просто ответила я.

Кому я позвоню? Как я им объясню? Друзья наверняка захотят помочь. И что же они сделают? Приедут с коробкой конфет и радостными возгласами «Держись, подруга!»? Наймут экзорциста? Завернут меня в плед и начнут читать стихи Бродского вслух?

– Аня?

– О, – горько фыркнула я. – Нет.

Мы ещё немного помолчали.

– Я надеялся, что будет проще, но, наверное, можно что-нибудь придумать, – вдруг сказал он.

– Что?

– Дайте мне руку, пожалуйста.

– Что?!

– Дайте мне руку.

Я хотела встать, гордо прошагать к выходу и хлопнуть дверью – а потом, наверное, отправиться в психушку, потому что нет никаких сил пытаться со всем этим совладать – включая нового знакомого, любителя саспенса, а может, заодно и маньяка, и, скорее всего, извращенца. Голова почти скомандовала телу встать и идти, но вместо этого моя рука вдруг предательски поднялась и приземлилась в его раскрытую ладонь.

Пока я закипала, возмущённая собственным поведением, и подбирала максимально доходчивые слова, Александр сжал мои пальцы своей горячей рукой, будто боли мне сегодня не хватило. Он отвернулся к балкону и, прикрыв глаза, что-то еле слышно пробормотал.

– Что? – раздражённо прошипела я. Он пропустил это мимо ушей, продолжая невнятную беседу с балконом. – Отдайте мою руку! Кто тут ещё сумасшедший? Александр! Все знают, куда я пошла, меня найдут, а вас посадят. Прекратите немедленно таинственно шептать, я ничего не понимаю!

Вопреки здравому смыслу, я не очень-то и испугалась – на сложные эмоции не хватало душевных сил. Осталось только усталое, безнадёжное веселье. Ну да, давайте сидеть на полу за ручку с малознакомым мужчиной, бубнящим, похоже, заклинания – может, проклятье попытается наложить? Меня бы это не удивило, хотя погодите, встаньте в очередь – кажется, кто-то уже проклял эту Камиллу до вас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.